

ФИЛОСОФЫ НА РУБЕЖЕ XXI ВЕКА: О «ФИЛОСОФСКОМ ПОКОЛЕНИИ» НУЛЕВЫХ¹

Е.О. Труфанова
Институт философии РАН

Аннотация: В статье рассматриваются трансформации философии и особенностей ее преподавания в период перехода от советской к постсоветской философии в России. Анализируется среда философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук и Института философии РАН в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Демонстрируется, что в этот период шла «перестройка» философии, в ходе которой марксистская философия советского периода полностью замалчивалась. Анализируется особенная научная атмосфера сектора теории познания Института философии РАН под руководством В. А. Лекторского. Дается представление о «философских поколениях», в котором ключевым объединяющим фактором представляется наличие «значимых других» – преподавателей, которые оказали существенное влияние на формирование нового поколения философов.

Ключевые слова: философские поколения, ГАУГН, Институт философии РАН, В. А. Лекторский, эпистемология, сектор теории познания.

Моя персональная «философская история» неразрывно связана со сменой эпох, которую мое поколение застало в возрасте слишком юном, чтобы осознавать масштабы происходящих перемен, и в то же время достаточно сознательном, чтобы запомнить все ключевые события и свои переживания, связанные с ними. Я родилась в Советском Союзе, и его крах застал меня в младших классах школы. На наших глазах судорожно перекраивалась школьная программа и – как я начала понимать уже много позже – переписывалась история. Когда мы вернулись в школу после каникул осенью 1991 г., большинство моих одноклассников уже сняли с формы октябрятские значки (точнее – это было сделано их родителями, вряд ли кто-то из нас – десятилетних – понимал тогда, что на самом деле произошло), но на тетрадях и в учебниках все еще был напечатан гимн СССР. Бюст Ленина, как мне кажется, простоял в школьном холле до самого нашего окончания школы, но его имя исчезло отовсюду как по волшебству. Наши школьные 1990-е гг. были безвременьем, сотрясаемым афтершоками от распада Союза. Выбор философского факультета не рассматривался тогда как выбор будущей профессии – шла речь лишь о том, чтобы получить фундаментальное образование (сле-

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 925–935.

дую моим интересам – гуманитарное), выучить пару иностранных языков и надеяться с таким багажом устроиться на «нормальную» работу. Разумеется, занятие философией – в роли преподавателя или тем более научного сотрудника – в качестве таковой рассматриваться тогда не могло. Заканчивались «лихие девяностые», в которые мои родители – оба научные сотрудники разных НИИ – были вынуждены завязать с наукой и начать зарабатывать деньги в коммерческом секторе. Если в советское время работа в НИИ была вполне способна гарантировать нормальный уровень жизни и при этом позволить тебе заниматься тем, что тебе интересно с профессиональной точки зрения, то в 1990-е в институтах и высшей школе царили нищета и разруха. В последний год моей учебы в школе прогремел финансовый кризис 1998 г., и на вручении аттестатов наша директор, услышав, что я собираюсь поступать на философский факультет, посмотрела на меня со смесью уважения и сочувствия: в то время все пытались пристроиться на экономические или юридические факультеты, на худой конец – в лингвистические вузы (тем более повод для этого был – я заканчивала «английскую» спецшколу). Мои же родители предполагали, что высшее образование и знание иностранных языков в любом случае смогут обеспечить в будущем место в какой-нибудь «хорошей фирме». На последних курсах учебы в университете и во время учебы в аспирантуре я успела немного поработать в трех фирмах совершенно разного профиля, и этого было достаточно, чтобы убедиться, что это «не мое». В то же время, когда я сразу по окончании университета начала преподавать философию в МГСУ (бывшем Московском строительном институте), несмотря на низкую зарплату, долгую дорогу до работы и специфический контингент студентов (инженеры-строители – не самая восприимчивая к философии публика!), я чувствовала себя на своем месте. Но значительно больше, чем преподавать, мне нравилось работать с текстом. Я всегда любила писать – сочинения в школе, стихи, какие-то рассказы – просто для себя и своих друзей. Поэтому, как только появилась возможность перейти от преподавания к научно-исследовательской работе – я сразу за нее ухватилась. Но это все было позже, а в 1999 г. я пришла на философский факультет, не очень представляя себе, что такое философия – возможно, единственным философским текстом, который я осознанно читала до начала учебы, был «Миф о Сизифе» Камю – его порекомендовали мне подруги, осваивавшие в то время общий курс истории западной философии на социологическом факультете МГУ. Признаюсь, не помню, чтобы он произвел на меня тогда какое-то глубокое впечатление, но и от намерения поступать на философский факультет тоже не отвратил. Таким образом, к началу обучения в университете мое философское сознание было практически *tabula rasa*, значительно больше меня интересовали история и психология. Мое мировоззрение, в том числе относительно философских вопросов, формировалось в основном под воздействием художественной литературы – читать я научилась в четыре года и с тех пор практически не могла остановиться, никакой другой вид искусства (несмотря на 7 лет художественной школы) не оказал на меня какого-либо заметного влияния по сравнению с литературой. При этом в выборе произведений (и тогда, и сейчас) для меня всегда было важно, чтобы повествование переносило меня в мир, отличный от повседневного, – мир вымышленный или мир другой исторической эпохи. Потому прежде всего меня интересовали историко-приключенческие романы (Александр Дюма-отец, Фенимор Купер, Роберт Стивенсон, Артур Конан Дойль – стандартный набор советской «Библиотеки мировой литературы для детей» и «Библиотеки приключений» – *must read* всех позднесоветских детей и подростков), позже в один период просто зачитывалась Виктором Гюго), классика научной фантастики (Рэй Брэдбери, Станислав Лем, Роберт Шекли, позже – братья Стругацкие), фэнтези (в моем детстве еще не было такого жанра как такового, но были «Хоббит» и «Властелин колец» Джона Толкиена – крайне важные для меня книги, которые способствовали развитию моего воображения, а также поселили во мне любовь к путешествиям), литературные сказки – особенно английских авторов (одна из моих любимых книг по сей день – ностальгический «Ветер в ивах» Кеннета Грэма) и классические мифы и легенды. Огромное впечатление на меня произвел в послед-

них классах школы роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, из обязательной школьной программы меня больше всего «цепляли» Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский. «Фантастический» литературный формат позволял ставить необычные вопросы и предлагал парадоксальные ответы относительно пространства, времени, природы человека и его сознания, устройства мира в целом. И конечно, в большинстве из этих книг был элемент волшебства. Наличие волшебства позволяло писателю показать описываемый мир богаче, интереснее, более разнообразным, чем мир нашей повседневности. Как мне кажется, философия тоже выступает как своего рода волшебство – она позволяет нам видеть привычные вещи с непривычных сторон, позволяет видеть мир более сложным и более многогранным, чем его видит человек, далекий от философской рефлексии. Но в конце 1990-х мне еще только предстояло это узнать.

Итак, мое студенчество пришлось на новую эпоху в отечественной философии – мы оказались одними из первых студентов, которых учили философии по-новому. А по-новому это означало – без Маркса. Причем замалчивание Маркса было абсолютным – это имя если и прозвучало в курсе истории западной философии, то лишь мельком. При этом отголоски марксистско-ленинской философии были везде – в учебниках, в экзаменационных билетах, но не в читаемых нам курсах. Забегая вперед: когда я, закончив университет с красным дипломом, пришла сдавать вступительный экзамен в аспирантуру – мне попался билет о различных видах идеализма и материализма. Заданный мне экзаменатором вопрос о диалектическом и историческом материализме поставил меня в тупик – о них нам не рассказывал никогда и никто, что я честно и сообщила экзаменатору – покойному И. П. Меркулову, нашему известному эпистемологу, который тогда был заместителем директора Института философии. Он немного виновато вздохнул и простил мне этот грех (Игорь Петрович, к слову, сыграл в дальнейшем еще одну важную роль в моей профессиональной жизни – он руководил заседанием Диссертационного совета на защите моей кандидатской диссертации, будучи заместителем председателя совета В. С. Стёпина).

Преподаватели в университете в основном просто обходили стороной как Маркса с Энгельсом, так и весь период советской философии. Курс истории русской философии закончился на Соловьеве и Булгакове: что происходило в отечественной философии на протяжении более чем полувека – этого студенты – выпускники философского факультета ГУГН не знали. Я не могу вспомнить сейчас ни ярых защитников марксистско-ленинской традиции, ни ее явных критиков – этой философии – философии советского периода – как будто просто не существовало, будто бы все дружно дали обет молчания, касающийся этой темы. Только начав обучение в аспирантуре и вступив в более тесное взаимодействие с научным руководителем – Владиславом Александровичем Лекторским, и с сотрудниками сектора теории познания Института философии, я стала впитывать по крупицам какую-то информацию – назывались имена людей, которые раньше работали в институте или в МГУ, упоминались книги, вышедшие десятилетия назад. Кажется, только тогда я узнала имена Э. В. Ильенкова, Г. С. Батищева и др.

Аргументом для выбора именно Государственного университета гуманитарных наук (с тех пор он прибавил себе букву «А» и стал называться академическим, но в 2000-е это был просто ГУГН) – тогда малоизвестного и очень камерного вуза – была прямая связь философского факультета с Институтом философии РАН, а пиетет перед наукой вообще и Российской академией наук как воплощением российской науки был воспитан во мне с самого детства. Потому учеба в ГУГН для меня неотделима от Института философии РАН, они воспринимались как единое целое, объединенные как территориально – зданием на Волхонке, д. 14, так и людьми – большинство наших преподавателей по ключевым философским дисциплинам приходило читать лекции буквально из соседнего кабинета – из комнаты того или иного сектора института. Произшедший в дальнейшем разрыв ГАУГН и института, возможно, был неизбежен (хотя бы по формальным причинам), но тем не менее я до сих пор не в состоянии с ним примириться. Для меня совершенно очевидно, что, если бы я училась на фило-

софском факультете любого другого университета, вполне возможно я не только бы не попала на работу в Институт философии, но и не осталась бы в этой профессии в принципе. ГАУГН был уникальным экспериментом в сфере высшего образования в нашей стране, объединявшим академических философов и преподавательскую деятельность, и, несмотря на разрыв, этот эксперимент не утратил своей значимости. Именно в 2000-е гг. ГАУГН сыграл ключевую роль в «подпитке» Института философии молодыми кадрами, которых в тот момент катастрофически не хватало: когда впервые в 2009 г. был образован Совет молодых ученых Института философии РАН, в него входило, кажется, всего 7 человек (включая меня), сейчас уже насчитывается более 60. За эти годы в институт из ГАУГН пришли такие молодые ученые, как Софья Пирожкова, Надежда Волкова, Вероника Шарова, Мария Рубец, Денис Летняков, Юлия Федорова, Наталья Татаренко, Валентина Омелаенко, Александр Катунин, Николай Мурзин, Кирилл Карпов, Маргарита Пилюгина и многие другие.

В мои студенческие годы (1999–2004) ГАУГН был очень камерным и все те формы межфакультетского взаимодействия, которые появились в нем в последние годы, отсутствовали. Единственной научной активностью, исходившей от студентов нашего направления, был интеллектуальный клуб «Катехон», организованный моим однокурсником Аркадием Малером, заседания которого дирекция института разрешила проводить в институтских стенах. Поскольку тематика клуба меня никогда не интересовала, участия в его заседаниях я ни разу не принимала. Тем не менее Малер – один из немногих моих однокурсников, кто не разорвал после выпуска связь с философией и остался преподавать в ГАУГН. Также защитила философскую диссертацию Мария Плохова (она перешла в ГАУГН на последних наших курсах), а относительно недавно после долгого перерыва вернулась к философии Яна Мановас. К сожалению, пропал с моего горизонта Павел Панарин – сын известного политолога А. С. Панарина, с которым мы хорошо дружили на протяжении всей учебы в ГАУГН. Так или иначе, у моего поколения не было кумиров среди сверстников или ближайших по возрасту «старших товарищей». Наши учителя были отделены от нас несколькими поколениями – В. А. Лекторский (он вел фундаментальный курс эпистемологии); В. С. Стёпин (он не преподавал на философском факультете в те годы, когда я там училась, но был деканом философского факультета и вручал дипломы на выпуске); А. А. Гусейнов (в то время он был деканом «родственного» факультета политологии); Т. Б. Длугач – выдающийся педагог, открывшая нам философов эпохи Просвещения и сумевшая сделать понятными работы Иммануила Канта; М. Т. Степанянц читала новаторский в то время курс по восточным философиям; В. Г. Горохов и В. М. Розин вели курсы по философии науки и техники, В. Г. Буданов – курс концепций современного естествознания; И. П. Меркулов – авторский курс по эволюционной эпистемологии; Е. А. Мамчур, И. К. Лисеев и Ю. В. Сачков – курс по философии конкретных научных дисциплин. Работали с нами и Н. М. Смирнова (социальная философия); И. А. Герасимова и Л. В. Кривых (теория и практика аргументации), курсы по классической и многозначной логике читали А. М. Анисов, С. А. Павлов (причудливым образом так распорядилась судьба, что спустя годы я стала их формальным «начальником» в секторе теории познания), а также А. С. Карпенко, семинары по этике вела О. П. Зубец. Буквально за год до своей смерти нам читал свой курс философии права В. В. Бибихин. Из молодых, близких к нам по возрасту философов, тогда еще находившихся в начале своего творческого пути, можно вспомнить М. А. Солопову, которая вела семинары по истории античной философии, и С. В. Месяц, читавшую курс классической онтологии. Так, можно сказать, что во время моего студенчества философские связи были не «горизонтальными», объединяющими сверстников, но «вертикальными» – связями учеников и учителей. На переменах мои сокурсники не вели философских дискуссий и в основном обсуждение философских концепций сводилось лишь к подготовке к экзаменам.

Сейчас студенческая жизнь устроена таким образом, что студенты очень рано должны вовлекаться в научную деятельность – участие в конференциях, публикация статей и т. д. –

все это дает дополнительные «баллы» при поступлении в магистратуру, аспирантуру и т. д. Во время моей учебы никто не гонялся за публикациями, мои первые выступления на научных мероприятиях и первые написанные тезисы доклада относились только к последнему курсу, а собственно научная работа (если не считать написания курсовых работ) началась только после поступления в аспирантуру, когда я больше стала взаимодействовать не только с научным руководителем – В. А. Лекторским, который, фактически, вел меня с третьего курса, но и с другими сотрудниками сектора теории познания. Так, моей научной атмосферой были не интеллектуальные споры с однокурсниками (их, можно сказать, и не было), а именно взаимодействие с преподавателями, а затем – с сотрудниками института.

У меня никогда не было кумиров. Я никогда не испытывала потребности принадлежать к какому-то кружку или же быть продолжателем чьих-то идей. Возможно, именно поэтому мне трудно указать какие-то «центры притяжения», которые существовали для философов моего поколения – не могу назвать ни каких-либо ключевых научных журналов, ни неформальных объединений, которые бы имели для меня значение. Возможно, тут как раз сказывалось отсутствие в институте широкой «прослойки» сверстников-философов: если бы такая «прослойка» существовала, она могла бы соединить формальные и неформальные связи в единое целое. Моих сверстников можно перечислить буквально единицы – среди сотрудников в институте это были Петр Куслий, с которым мы защищали кандидатские диссертации в один день на одном совете, Екатерина Вострикова, уже не работающая в институте Андрей Веретенников и Петр Сафронов, недавно пришедший в институт Александр Павлов, с которым мы когда-то пересекались на одной из аспирантских конференций в Киеве (там же мы познакомились и с Веретенниковым), а также Вероника Шарова, с которой мы были дружны еще со школы. У меня сложились хорошие и уважительные отношения с большинством из них, но каждый из нас шел своим путем, а наши круги исследовательских интересов практически не пересекались, и не думаю, что мы как-либо повлияли друг на друга в научном плане: мы «шли параллельными курсами». (Хочу подчеркнуть, что я сознательно перечисляю здесь людей, которые принадлежат строго к моему «возрастному» поколению – родившихся в самом начале 1980-х гг. и закончивших учебу в университете в середине 2000-х, не затрагивая более младших и более старших коллег.) Чуть позже, в 2010 г., пришла на работу в институт Александра Яковлева, с которой у нас возник необычный (сочетающий эпистемологию и политологию) творческий тандем, который в процессе стал дружеским. Наша первая совместная статья вышла в 2012 г., а несколько лет спустя это соавторство, направленное на анализ социальных аспектов научной деятельности, неожиданно для нас увенчалось совместной премией Правительства Москвы. Наши научные и дружеские связи сохраняются и по сей день.

В том, что касается выбора тем исследований моими сверстниками, я не могу сказать, что можно выделить какие-то «тренды». Пожалуй, именно в моем поколении в Россию пришла мода на аналитическую философию сознания, на постмарксистскую социальную философию, а в последнее время стали очень популярны исследования в области STS (Science and Technology Studies). Сейчас более молодое поколение, к моему удивлению, активно интересуется советской философией и разбирается в ней намного лучше меня и, полагаю, большинства моих сверстников, «потерявших» Маркса и всё, что с ним было хотя бы косвенно связано. Но в то же время представители моего поколения много занимаются и классическими сюжетами из истории философии, этики, эстетики, логики и других философских дисциплин. Точно так же не могу выделить какие-то ключевые направления интересов у современных студентов и аспирантов философских факультетов: спектр тем очень разнообразен. Например, для курсовых работ по эпистемологии студенты традиционно из года в год выбирают темы, связанные с взаимоотношениями языка и мышления, с гипотезой Сепира – Уорфа и т. д., но при этом каждый раз эти темы раскрываются по-разному. В целом у меня нет ощущения, что интересы студентов и аспирантов нынешних так уж существенно отличаются

от интересов моего поколения и от интересов поколений более старших. Разумеется, в каждый период возникают какие-то «модные» темы – то все пишут о феминизме, то об урбанизме, то о синергетике, то о глобализации, то о цифровизации, но в конечном счете все эти повести либо отмирают с уходом «моды», либо оказывается, что за этими новыми модными словами лежат всё те же вечные философские вопросы о сущности человека, о бытии, о границах познания, о ценностях и т. д. Разные поколения бьются над решением одних и тех же вопросов.

Главным местом в институте, где был сосредоточен основной мой круг общения, для меня всегда был сектор теории познания. Когда в 2007 г. я начала работать в секторе, я была на протяжении нескольких лет единственным молодым сотрудником. В этом были и несомненные минусы – отсутствие своей «тусовки» в институте, и плюсы, основной из которых заключался в том, что интеллектуальная среда сектора была такова, что мои работы обсуждались на равных с прочими сотрудниками, я никогда не чувствовала снисходительного отношения в духе «ты еще маленькая и глупая» – это всегда было равноправие. Будучи студенткой и аспиранткой, я абсолютно ничего не знала о секторах института и ориентировалась только на научного руководителя. Несомненно, главную роль в том, что я осталась в философии, сыграл именно Владислав Александрович. Весь первый год учебы в университете я пыталась понять, что такое философия и стоит ли вообще ей заниматься (прекрасные курсы мировой и отечественной истории, которые читали нам на первом курсе, привлекали меня гораздо больше). Но когда на втором курсе нам начал читать свой фундаментальный и одновременно авторский курс эпистемологии В. А. Лекторский, я буквально с первой лекции поняла, что я пришла на философский факультет именно за этим, словно у меня в голове внезапно зажегся какой-то индикатор, говорящий «вот оно!». В эпистемологии (я, разумеется, не знала этого слова до того, как пришла на лекции Лекторского) я нашла сплав всегда интересовавшей меня психологии и философии: это проблемы личности и самосознания человека. Эпистемология позволяла выходить за границы классических философских текстов в область других научных дисциплин, что меня сразу привлекло. Несмотря на мою огромную любовь к истории, мои интересы в философии всегда касались именно современных проблем, и тексты других философов служили как средство для их решения, а не как цель сама по себе. Поэтому именно с Лекторским я начала работать на третьем курсе над курсовыми работами, затем над дипломом и кандидатской диссертацией. И когда в 2007 г. Владислав Александрович предложил мне остаться в секторе работать – я сразу же согласилась, хотя изначально у меня в принципе не было плана попасть в институт на работу. Тем не менее за годы учебы в университете и аспирантуре здание на Волхонке действительно стало для меня вторым домом. В этом смысле переезд института на Таганку стал своеобразным водоразделом для меня – там был дом, а здесь – на Гончарной улице – работа. Любимая, но работа.

Когда я согласилась работать в секторе, я еще мало была знакома с другими сотрудниками. Я никогда не отличалась общительностью, поэтому влиться в новый коллектив, к тому же состоящий из людей значительно старше меня, казалось сложной задачей – тем не менее всё прошло очень легко, благодаря особой атмосфере сектора, которую создавали все сотрудники сообща. Это была атмосфера дружелюбия и взаимного уважения, которая не мешала высказывать серьезные критические замечания в обсуждении научных работ, однако научные разногласия никогда не становились причинами личных конфликтов. Это остается так и сейчас, но, к сожалению, ряд реформ науки, связанных с усилением роли наукометрических показателей, вынудил всех нас перестроиться на индивидуальную работу и прекрасная коллективная работа над сборниками секторов, по сути, ушла в прошлое. Я надеюсь, что эта ситуация еще изменится, но в любом случае – главной своей задачей как теперь уже заведующего сектором я вижу именно сохранение этой уникальной атмосферы.

Так исторически сложилось, что наш сектор – сектор теории познания – первый в списке секторов. Вероятно, это наследие тех времен, когда он был сектором диалектиче-

ского материализма – одной из идеологически важнейших составляющих советской философии. К счастью, наши исследования сегодня далеки от идеологических, но мы все еще записаны в структуре института первым номером. Мне это кажется правильным, потому что теория познания (гносеология, эпистемология, как ни называй) наряду с онтологией являются основополагающими философскими дисциплинами еще с античности. Эпистемология ставит вопросы о том, как мы познаем мир и насколько мы можем его познать в принципе, это основополагающие вопросы для науки в целом. Сейчас можно отметить расцвет целого кластера когнитивных наук (к которым относится и эпистемология), которые пытаются решать эти вопросы, опираясь на конкретные естественнонаучные данные, а также на технологические разработки в области искусственного интеллекта. За этим естественно-научным и технологическим «креном», к сожалению, немного теряются гуманитарные аспекты проблемы познания. Сейчас многие молодые люди, выпускники философских факультетов сегодняшнего дня, увлекаются именно когнитивным направлением, погружаясь в детали и упуская из виду широкую – собственно философскую – перспективу исследуемых проблем. Но современный эпистемолог не должен становиться нейроученым. Задача современной эпистемологии – с учетом современных наук о мозге, наук об искусственном интеллекте и т. п. давать именно философскую интерпретацию современного взгляда на познание и сознание человека.

Представления о том, что такое философия, какими исследованиями она должна заниматься, вырабатывались у меня не только во взаимодействии с преподавателями и коллегами по институту, но и в результате общения с философами из других стран. Меня всегда озадачивали вопросы, касающиеся того, какой философский подход я разделяю (в особенности я с этим столкнулась во взаимодействии с иностранными коллегами). Мне всегда казалось, что философские проблемы настолько сложны и многогранны, что выбор одного подхода ограничивает возможности исследования: проблема для меня всегда была важнее метода или принадлежности к определенной философской школе. В ходе моих кратких стажировок в Австрии и Германии у меня сложилось впечатление, что западные философы чаще идут напротив – от метода и – нередко – от конкретного автора в рамках истории философии (даже если само исследование не историко-философское по сути) к проблеме. Привязка решения проблемы к конкретному подходу или к конкретной персоналии мне представляется подобной процедуре ассимиляции у Пиаже, когда мы пытаемся в одну и ту же когнитивную «схему» «загнать» совершенно разные феномены и события, вместо того чтобы посмотреть на различные «схемы» и выбрать оптимальную. Еще один момент, который, как мне показалось, более присущ западной академической традиции, – это более жесткие рамки написания академических текстов с точки зрения формы. В целом у меня сложилось ощущение, что европейская философия сохранила очень многое от традиций классических университетов и от схоластики, тогда как отечественная философия значительно более свободна и разнообразна не только в способах выражения, но и в выборе тем для исследований. Философия в России, как мне кажется, часто тяготеет к литературе, к образному, богатому метафорами языку, тогда как для европейской академической философии (я оставляю в стороне постмодернистов и их современных наследников) характерно сухое формальное изложение. Впрочем, вполне возможно, что мой вывод, базирующийся на взаимодействии с австрийскими и немецкими философами, связан с влиянием тяжеловесной немецкой классики на традиции философствования в этих странах. Так или иначе, отечественный стиль философствования для меня намного ближе – возможно, потому что он отвечает моей изначальной любви к литературе.

Вернусь к проблеме философских поколений. Существуют ли они на самом деле, так ли уж значимы семь – десять лет разницы в возрасте в ту или в другую сторону? Как мне кажется, достаточно значимы, потому что те же 10 лет – это целый срок обучения в школе, период, в который закладываются важные основы не только личного опыта, но и опыта теоретического мышления, от которого зависят дальнейшие перспективы научной деятельности.

В то же время каждый студенческий курс не похож на предыдущий и последующий, хотя их разделяет всего один год поступления. Как мы определяем «свое» поколение, как отделяем его от другого? Это не только исторический контекст эпохи, но это и коммуникативный контекст: к примеру, я предполагаю, что мое поколение философов из ГАУГН отличается от аналогичного поколения философов из МГУ, РГГУ или каких-либо других вузов, поскольку у нас были разные учителя, нам читались разные учебные курсы – и даже те курсы, которые совпадали по названию, читались по-разному. Потому самые главные составляющие опыта поколения, формирующие это поколение, зависят, на мой взгляд, в первую очередь от «значимых других» – того круга профессионального общения, в котором молодой человек оказался в начале своего философского пути. Нас объединяет коллективная память о нашем студенчестве, о наших учителях. К примеру – выпускники других философских факультетов, как мне представляется, редко выходят с такими развернутыми знаниями в области восточных философий, какие получили мы благодаря М. Т. Степанянц и ее коллегам. Курс эпистемологии В. А. Лекторского не совпадает ни с одним из учебников по теории познания для вузов (в этом до сих пор для его студентов состоит сложность для подготовки к экзамену) – он абсолютно уникален. Это не означает, что где-то учили лучше, а где-то хуже – просто говорит о существующих различиях. Таких примеров можно привести много.

Одним из главных моих научных интересов являются исследования личностной идентичности человека. На мой взгляд, среди множества идентификаций, которые создают личность (национальной, профессиональной, гражданской, семейной и др.), важнейшими являются те очень специфичные идентификации, которые связывают нас с другими людьми – со значимыми другими, с которыми у нас формируются особые связи. Именно неповторимое сочетание подобных идентификаций делает каждую личность уникальной. Такие особые коммуникативные связи, несомненно, устанавливаются и между студентами и преподавателями. И с этой точки зрения мое философское поколение, «выросшее» в ГАУГН, шире, чем просто мое поколение по году рождения – это те молодые и уже достаточно опытные ученые, чье профессиональное мировоззрение было сформировано под воздействием именно Института философии РАН, воплощенного в конкретных личностях, деливших с нами своим пониманием философии.